

ЕЛЛИНА ПОЗДНЯКОВА-КИРБЯТЬЕВА¹

Харківський національний педагогічний університет ім. Г. Сковороди (Україна)

Критическая рефлексия коллективной памяти Украины в контексте феноменологической концепции Поля Рикёра

A critical reflection on the collective memory of Ukraine in the context of fenomenological conception of Paul Ricœur. The article is devoted to the problem of collective memory. Nowadays, in the collective memory of the population of Ukraine persistently there is a flashback about the Soviet past which is constantly present in mentality, in political discourse in ordinary consciousness, in comparisons. Such comparisons pathologically distort the perception of contemporaneity. The author also analyses problem of abuse of memory in detail: situation of collective memory with regard to golodomor, Stalin repressions and other terrible pages of the past. The special attention is given to a correlation of collective memory and identity. But as an object of identity of the Ukrainian population is washed out, the state of collective memory cannot be satisfactorily acknowledged. A durable, consolidated identity cannot be a description of the modern Ukrainian population.

Keywords: collective memory, pathology, memory, social memory, Ukraine.

Критична рефлексія колективної пам'яті України в контексті феноменологічної концепції Поля Рікєра. Стаття присвячена проблематики колективної пам'яті. У наш час в колективній пам'яті населення України невідступно присутній спогад про радянське минуле, яке постійно присутнє в ментальності, в політичному дискурсі в буденній свідомості в порівняннях. Такі порівняння патологічно спотворюють сприйняття сучасності. Також автором детально аналізується проблематика злов-

¹ **Adres do korespondencji:** Кафедра політології, соціології та культурології, Харківський національний педагогічний університет ім. Г.С. Сковороди, вул. Артема, 29, 61002, Харків, Україна. **E-mail:** cobrian@mail.ru.

живання пам'яттю: така ситуація з колективною пам'яттю відносно голодомору, сталінських репресій і інших жаклих сторінок минулого. Особлива увага приділяється співвідношенню колективної пам'яті та ідентичності. Але оскільки об'єкт ідентичності українського населення розмитий, історично безліч, то і стан колективної пам'яті не можна визнати задовільним. Міцна, консолідована ідентичність не може бути характеристикою сучасного українського населення.

Ключові слова: колективна пам'ять, патологія, пам'ять, соціальна пам'ять, Україна.

Поль Рикёр (фр. *Paul Ricœur*; 1913–2005) — французский философ, один из ведущих (наряду с Хайдеггером и Гадамером) представителей философской герменевтики, новой ветви философии, выросшей из своего корня — феноменологии. Профессор Сорбонны (Франция) и Чикагского университета (США).

В книге *Память, история, забвение* с позиций феноменологической герменевтики, долгие годы разрабатываемой автором, анализируются проблемы истории в связи со «свойственными человеческой субъективности» явлениями памяти и забвения. Ведущими темами исследования Рикёра в данной книге являются «соотношение времени и повествования, а также соотношение личной памяти, коллективной памяти и истории как научной дисциплины, опирающейся на анализ конкретных фактов и материалов».

Французский философ излагает свою версию типологизации мнемонических явлений на «первичный опыт временного дистанцирования» и углубление в прошедшее время. Такая дифференциация памяти осуществляется одновременно с пересмотром тематики воображаемого.

В «живом опыте памяти» должна присутствовать неустранимая черта, которой объясняется постоянное смешение воображаемого и воспоминания. Превращение воспоминания в образ, принимает вид стремления к верному отображению, в чем и состоит «истинностная функция памяти».

В античности ставилась проблема «представления в настоящем отсутствующей вещи». Еще в греческой философии забвение понималось двояко: «как стирание следов и как отсутствие соответствия между ныне существующим образом и отпечатком, подобным тому, что оставлен перстнем на воске»². Рассмотрение проблематики памяти в античности не касалось феномена коллективной памяти, поэтому опустим подробности анализа Рикёром античных текстов.

Полярность «собственная память — коллективная память» рассматривается французским философом в аспекте различения личного воспоминания и «вынесения» воспоминания «за пределы ума»³. Для проблематики коллективной памяти важным является выделение отправных точек, на которые опирается этот вид памяти. Прежде всего, речь идет о наличии общих для социума

² П. Рикер, *Память, история, забвение*, Москва 2004, с. 25.

³ Там же, с. 63.

памятных мест, соединяющих в себе географическое и социальное значение. Рикёр отмечает:

Наиболее памятные места не были бы способны выполнять свою функцию памятных, если бы они не были также местоположениями, значительными с точки зрения переплетения пейзажа и географии. Короче говоря, были бы памятные места хранителями личной и коллективной памяти, если бы они не находились «на своем месте» в двойственном смысле места и местоположения?⁴

Далее Рикёр связывает феномены коллективной памяти с «патологией воображения». Последняя сосредоточена на галлюцинации и ее отличительном признаке, наваждении, то есть на «головокружении, вызванном, в частности, уклонением от запрета». Любое усилие «больше не думать об этом» спонтанно превращается в «навязчивую мысль». Рикёр задается риторическим вопросом: «Как перед лицом этого феномена очарованности запретным объектом не совершить скачка в сферу коллективной памяти и не воскресить своего рода навязчивую идею, которую описывают историки современности, клеймя «прошлое, которое не проходит»? Для коллективной памяти навязчивая идея является тем же, чем галлюцинация является для памяти индивидуальной, — патологической формой внедрения прошлого в сердцевину настоящего, соответствующей безвинности памяти-привычки, которая также живет настоящим, но для того, чтобы, как говорит Бергсон, действовать, а не неотступно преследовать, то есть терзать его⁵. Не так ли в наше время в коллективной памяти населения неотступно присутствует воспоминание о советском прошлом, которое для многих никак не может пройти? Для одних это наваждение прошлым воплощается в преданности знакам советского времени, для других постоянным поводом для критики пережитков периода социализма. Советское прошлое постоянно присутствует в ментальности, в политическом дискурсе в обыденном сознании навязчивыми сравнениями цен, условий для образования, отдыха, лечения и надежд на будущее. Такие сравнения патологически искажают восприятие современности. Люди не могут проживать дважды одну и ту же ситуацию. Опыт в качестве результата опробованного варианта реакций на вызовы истории побуждает варьировать свои реакции. Выражения «Новое — хорошо забытое старое», « не наступайте дважды на одни и те же грабли» — это реакции людей на способы использования опыта, заложенного в социальной памяти.

Историческая память может быть задействована в качестве источника метафор, сравнений, аналогий, игры слов и афоризмов. Подобно тому, как использовал это Маркс в своих произведениях, например в работе *18 брюмера Луи Бонапарта*⁶.

⁴ Там же, с. 70.

⁵ Там же, с. 84.

⁶ К. Маркс, *Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта*, Москва 1987.

Неадекватное использование исторического опыта может быть истолковано как патология памяти. В связи с этим Рикёр считает допустимым применение методов психоанализа для изучения некоторых проявлений коллективной памяти. Он прямо об этом говорит: «Мы вправе применять к коллективной памяти категории, выработанные в ходе психоаналитических сеансов, то есть на уровне межличностного общения»⁷. Здесь осуществляется перенос методов исследования, используемых для частного или личного опыта на уровень коллективный, публичный. Результаты такой процедуры воплощаются в использовании понятий, феноменов, наименований реакций, применяемых в психиатрии для описаний различных флуктуаций коллективной памяти. Например, возникает термин «патологии коллективной памяти»⁸, при описании которых используются термины скорбь, меланхолия, невроз, психотерапия и т.п.

Для психоаналитических процедур при характеристике коллективной памяти Рикёр обращается к З. Фрейду. Например, приводит цитату из его произведений: «Скорбь, как правило, является реакцией на утрату любимого человека или какой-либо помещенной на его место абстракции, например родины»⁹.

Городские памятники, посвященные событиями прошлого, по Фрейду, есть проявление мнезической разновидности симптомов истерии. Рикёр соглашается с этим суждением и отмечает:

Сооружения являются ответом на утраты. Кроме того, работа скорби как отстранение и смирение, достигающая высшей точки в примирении с утратой, признается равнозначной психоаналитическому предпрятию в целом¹⁰.

Французский философ делает попытку учета психоаналитической теории в своей концепции, что проявляется в использовании таких терминов, как «феноменология коллективной раненой памяти», «коллективный травматизм»¹¹. Рикёр полагает, что «двухполюсная структура личной идентичности и идентичности общностной, в конечном счете, оправдывает распространение фрейдовского анализа скорби на травматизм коллективной идентичности»¹². Личностное чувство утраты может быть трансформировано коллективной памятью в чувство утраты социальнозначимых объектов, например, территории, части населения, власти и т.п. Скорбь и печаль по поводу исторических коллективных утрат выражается в траурных церемониях, которые сплывают народ. Происходит своеобразное переплетение частных и публичных выра-

⁷ П. Рикер, указ. соч., с. 107.

⁸ Там же, с. 106.

⁹ S. Freud, *Métopsychologie*, Paris 1968, с. 192.

¹⁰ П. Рикер, указ. соч., с. 106.

¹¹ Там же, с. 114.

¹² Там же.

жений скорбных чувств, что отражает проявление коллективной памяти в памяти личности. Но и здесь работают психоаналитические закономерности. Так, выражение печали постепенно трансформируется в полное примирение с утраченным объектом. Однако институализация коллективной памяти приводит к другим результатам. Институализированная коллективная память по иному реагирует на примирение с прошлым, а именно избирательно выделяет события, которые власть, существующая в данный момент истории, считает необходимым непременно периодически оживлять в памяти населения. При этом, смена власти может приводить к смене объектов для сохранения в коллективной памяти. И здесь возникает противоречие между естественными механизмами динамики памяти и искусственными механизмами институализированной памяти. Так возникает феномен «принуждения к памяти», как одно из проявлений патологии коллективной памяти. Смысл этой патологии заключается в том, что личностный эмоциональный компонент памяти к определенным объектам утрачивается, но государство навязывает населению память об этих объектах, событиях с помощью закрепленных традицией ритуалов. Однако такая память превращается в формализованный, ритуализованный, а значит не подлинный симулятор коллективного сознания. Рикёр прибегает в этом случае к термину «большая историческая память», которая характеризует двухполюсную структуру форм скорбного поведения.

Патология памяти распространяется не только на отдельные исключительные случаи, а касается также и фундаментальных структур жизнедеятельности сообщества. Речь, прежде всего, идет о войне, насилии, существование которого оправдывается высокими целями обеспечения безопасности социума. Но насилие предполагает две стороны, одна из которых выступает в качестве «героя», вторая «побежденного». Это противостояние закрепляется коллективной памятью. Для побежденных поражение даже в далеком прошлом сопровождается в коллективной памяти скорбью, сожалением и желанием отмщения, компенсации поруганного достоинства. Рано или поздно социум пожелает возместить моральный ущерб, что бы изжить негативные компоненты своей памяти.

Что создает славу одним, для других — поругание. Что для одной стороны является торжеством, для другой — проклятием. Именно таким путем в архивах коллективной памяти накапливаются символические раны, требующие исцеления¹³.

Для побед в прошлом характерна избыточность памяти, а для поражений, напротив, более свойственна недостаточность памяти. Люди избегают чрезмерно часто вспоминать былые поражения, тогда как победы вспоминаются с охотой и чаще, чем неудачи. Ритуализованная память рано или поздно начнет восприниматься как формальность, как дань лояльности власти или

¹³ Там же, с. 115.

общественным нормам и приличиям. Молодежь в этом случае испытывает искушение пересмотреть оценку прошлых событий. Скорее из соображений фрондерства, чем для поиска истины, молодые люди могут осуществлять акты символического вандализма в отношении святынь коллективной памяти. Не это ли является причиной изображения на заборах фашистских символов через 60 лет после разгрома фашизма?

Можно, если угодно, говорить о памяти-повторении применительно к этим унылым празднованиям. Но тут же следует добавить, что эта память-повторение сопротивляется критике и что память-воспоминание есть по сути критическая память¹⁴.

У части населения может возникнуть ощущение «недостаточности» памяти, тогда эти люди могут пожелать переосмыслить события прошлого, подвергнуть исторические события «реинтерпретации». Необходимость в постоянном критическом анализе содержания памяти особенно остра, если прошлое недостаточно ясно, содержит чрезмерное количество тайн, скрытых от публики фактов.

То, что одни культивируют с мрачным наслаждением, и то, чего другие избегают с нечистой совестью, — это одна и та же память-повторение. Одни стремятся укрыться в ней, другие, напротив, боятся, что она поглотит их. Но и те, и другие одинаково страдают от дефицита критики¹⁵.

Далее французский философ обращает внимание на деятельностную сторону памяти. Сам процесс воспоминания уже есть форма деятельности. Но есть более активная разновидность памяти — это деятельная память. Подлинное воспоминание переходит в действие «благодаря которому настоящее примиряется с прошлым». Людям уже недостаточно ментальной формы памяти, ее избыточность воплощается в постоянном повторении. Но такое повторение все равно не решает проблемы примирения с прошлым, поэтому то и возникает деятельностная форма памяти. Виды деятельной памяти могут быть разнообразными: от возложения венков, коллективного шествия в честь событий прошлого до воинственных, агрессивных акций в адрес виновников былых поражений. Довольно часто войны возникали из-за стремления «восстановить справедливость», вернуть потерянное в прошлом и других активных действий, замещающих болезненные следы памяти. Примеров тому множество и в новейшей истории. Скажем, Вторая мировая война, распад Югославии. Политики возбуждали народ воспоминаниями об унижениях, испытанных в прошлом и призывали отомстить обидчикам.

Острые события прошлого страны более остро переживаются именно в форме коллективной, а не индивидуальной памяти. Множество людей вспоминают войну как самое главное событие своей жизни, наполненное позитив-

¹⁴ Там же, с. 116.

¹⁵ Там же.

ным содержанием. Неоднократно обращалось внимание на этот парадокс, вытекающий из разной природы индивидуальной и коллективной памяти. Рикёр в связи с этим отмечает:

Расхождение между работой скорби и работой воспоминания приобретает весь свой смысл скорее в плане коллективной памяти, чем в плане памяти индивидуальной. Поскольку речь идет о ранах, нанесенных собственно национальной любви, можно с полным основанием говорить об объекте утраченной любви. Раненая память вынуждена всегда соотносить себя именно с утратами¹⁶.

Следующий аспект проблематики коллективной памяти, на который обращает внимание Рикёр, связан с злоупотреблениями, манипулированием памятью со стороны власти. Эта проблематика напрямую связана с социологией знания. События прошлого являются объектами манипуляции в интересах власти. Историческая истина скорее интересна академическим ученым и обычным гражданам. Власть же использует в своих корыстных целях не только народные деньги, но и народную память. Не исключено, что историческая истина открыто поддерживается властью, но мотив этих действий скорее инструментальный, чем экспрессивный. Власть важна не сама по себе истина истории, а то как эта истина может пригодиться в политических играх для укрепления символического господства. Вот почему следует уделять «внимание злоупотреблениям (в прямом смысле этого слова), являющимся следствием согласованных манипуляций памятью и забвением со стороны властей предержажших»¹⁷.

Злоупотребления памятью могут возникать как механизм отказа признать существование некоего исторического события, являющегося источником скорби, связанной с воспоминанием. Люди, например, избегают задавать вопросы в отношении этого факта, потенциально готовы к искажению исторической «истины». Такое поведение может быть оценено как ненормальное или казаться таковым. Но причиной такого отношения к памяти является естественное стремление сохранить душевное равновесие, избежать страдания, вызванного острым сочувствием к объектам своей идентификации, которые испытали в прошлом чрезмерные страдания, унижения или погибли в мучениях. Такова ситуация с коллективной памятью в отношении голодомора, сталинских репрессий и других ужасных страниц прошлого. Навязчивое стремление власти оживить в памяти людей эти страницы истории вызывают у части населения мнемонические перверсии, выражающиеся в демонстративном отказе признать существование ужасов прошлого. Достаточно взглянуть на страницы социальной сети «Мы родом из СССР», чтобы убедиться в наличии таких перверсий. Действительно, никак иначе как мнемонической патологией нельзя назвать это стремление признать реальность сталинских

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 117.

репрессий, восхваление хрущевских времен и умильные воспоминания о комсомоле и пионерии. Патологические интерпретации избыточности и недостаточности коллективной памяти приводят к злоупотреблениям не только в отношении собственно памяти, но и злоупотреблениям забвением. То есть, запомнить или забыть совпадает фактически по мнемоническим механизмам коллективной памяти. Рикёр здесь достаточно определенно отмечает, что «злоупотребления памятью, одновременно являются и злоупотреблениями забвением»¹⁸.

Одной из причин таких мнемонических злоупотреблений является связь механизмов памяти с механизмами идентичности — как коллективной, так и индивидуальной. В связи с этим французский мыслитель констатирует, что «проблема, таким образом, переносится с уровня непрочности памяти на уровень непрочности идентичности»¹⁹. Источником непрочности идентичности является ее отношение ко времени. Люди как субъекты истории обращаются к памяти «как ко временной составляющей идентичности наряду с оценкой настоящего и планированием будущего». Исходя из этого тезиса можно заключить, что причиной забвения важных событий прошлого страны, какими бы механизмами это не осуществлялось, благодаря государственной политике блокирования памяти или благодаря психологическим средствам избежания памяти, в любом случае коллективной идентичности носит серьезный ущерб. И напротив, слабость коллективной идентичности обуславливает ответственность любых механизмов забвения. Прочность же коллективной памяти является причиной и следствием прочности коллективной идентичности. Но поскольку объект идентичности украинского населения размыт, исторически множественен, то и состояние коллективной памяти нельзя признать удовлетворительным. Говоря о множественности идентичности мы имеем ввиду, что часть населения идентифицирует себя с Украиной советской, часть с Украиной независимой, часть с Украиной дореволюционного прошлого и т.д. Прочная, консолидированная идентичность не может быть характеристикой современного украинского населения. Одной из причин размытой идентичности является соседство России, активное использование русского языка, активность и действенность культурологического фактора. Парадоксально, но это же соседство может быть воспринято частью населения как угроза украинской идентичности и соответственно быть источником укрепления этой идентичности.

Одной из причин непрочной идентичности, связанной с характером коллективной памяти, по мысли Рикёра, является «наследование основополагающего насилия»²⁰. Ученый полагает, «не существует исторической общности, которая была бы порождена чем-то иным, нежели так называемое изначаль-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 119.

ное отношение к войне». Апелляция к войне как к источнику идентичности является ошибочным, так как война связана с насилием. Государство может злоупотреблять памятью, связанной с войной, для стимулирования идентичности. Но это является способом манипулирования памятью. Фактором такой манипуляции является идеология. У ученого вызывает тревогу вторжение этого «многоликого фактора» «между претензией на идентичность и публичными выражениями памяти»²¹. Влияние идеологии на коллективную память по мысли Рикёра является процессом непрозрачным. Ученый указывает здесь на две причины. Прежде всего, процесс влияния идеологии «остается скрытым; в отличие от утопии, он скандален; он маскируется, выступая в своих разоблачениях против соперников в сфере конкуренции идеологий: в идеологии всегда погрязает именно другой». Следующей причиной является крайняя усложненность идеологии, что делает критику ее влияния уязвимой.

Идеология, по мнению французского ученого, в своем влиянии на коллективную память использует три своих свойства: «искажение реальности, легитимация системы власти, интеграция мира в целое с помощью символических систем, имманентных действию». Объясняя свою мысль, Рикёр рассматривает идеологию как фактор интеграции, который «может представлять в качестве хранилища идентичности, поскольку она предлагает символический ответ на вопрос о причинах непрочности этой идентичности»²². Манипуляция и тем более злоупотребление памятью с помощью идеологии является скрытым процессом, «негласным воздействием на нравы» людей, что делает такое влияние «практически неискоренимым». Дело здесь не только в самой скрытости, сколько в том, что важной функцией идеологии является «оправдание системы порядка или власти». Именно мотив укрепления власти движет идеологию использовать в своих интересах память или забвение, злоупотребляя и тем, и другим.

Таким образом, можно выделить следующие аспекты феноменологии и социологии коллективной памяти П. Рикёра.

П. Рикёр уделяет внимание не только памяти, но и ее противоположности забвению. Анализирует особенности забвения, его общие и различные черты по сравнению с памятью.

П. Рикёр считает допустимым применение методов психоанализа для изучения некоторых проявлений коллективной памяти, таких как скорбь, печаль, чувство утраты, примирение с утратой.

Много внимания уделяется географическому аспекту коллективной памяти, а именно значению памятных мест.

Важное значение в концепции П. Рикёра занимает соотношение коллективной памяти и идентичности. Память является временной составляющей

²¹ Там же.

²² Там же, с. 120.

идентичности. Непрочная память является причиной и следствием непрочной идентичности.

Французский ученый подробно анализирует проблематику злоупотребления памятью, например, принуждение к памяти, манипулирование памятью, идеологическая эксплуатация памяти и др.

П. Рикёр анализирует влияние на коллективную память идеологии, в частности таких ее черт, как усложненность, непрозрачность, связь с интересами укрепления власти, искажение реальности, интеграция мира в целое с помощью символических систем, имманентных действию. Ученый отмечает манипулятивный характер воздействия идеологии на коллективную память.

П. Рикёр использует множество аспектов характеристики коллективной памяти и ее функционирования, такие как: феноменология памяти, социология коллективной памяти, справедливая память, злоупотребления памятью, патология памяти, коллективная раненая память, большая историческая память, принуждение к памяти, избыточность и недостаточность памяти, память-повторение, память-воспоминание, критическая память, манипулирование памятью.

Можно отметить большое эвристическое значение концепции коллективной памяти П. Рикёра для изучения проблематики социальной памяти.